

ТОРПЕДНЫЙ
ДОВОД
КИМ ЧЕН ИРА

Пхеньян шантажирует Сеул и Вашингтон

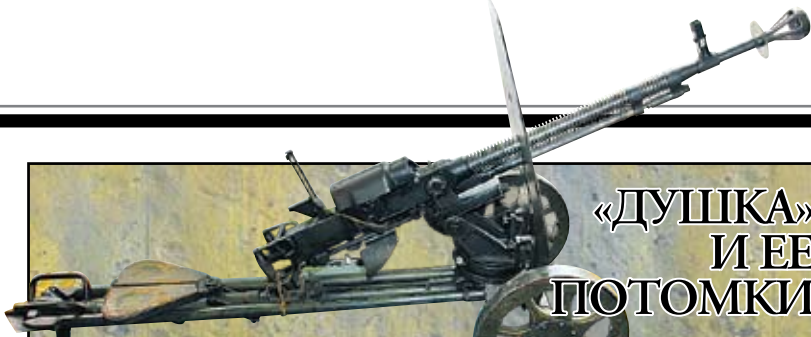
02-03

НЕПОДНЯТАЯ
ЦЕЛИНА

Разворачивается борьба
за казахстанский рынок вооружений

06

«ДУШКА»
И ЕЕ
ПОТОМКИ

Отечественные крупнокалиберные пулеметы:
разработка и применение

11

ТЕМА

ПЕРВЫЙ УДАР И ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ

ЯДЕРНЫМ ДЕРЖАВАМ
НАДО ДОГОВОРИТЬСЯ
ОБ ОТКАЗЕ ПРИМЕНЯТЬ
ПЕРВЫМИ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ
ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА

Продолжение — на стр. 02-03

ТЕНДЕНЦИИ

«ВЕГА» СТРОИТ БЕСПИЛОТНИКИ

Отечественная военная промышленность активно работает в направлении разработки и производства беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

«В самое ближайшее время появятся беспилотные комплексы, которые будут полностью удовлетворять запросам нашего Министерства обороны. Такая держава, как Россия, должна сама такие средства производить», — заявил заместитель директора ФС ВТС России Вячеслав Дзиркалн.

В начале апреля российское военное ведомство признало, что беспилотники, состоящие на вооружении армии, уступают зарубежным аналогам по всем параметрам. Тогда начальник службы вооружения ВС РФ, замминистра обороны Владимир Поповкин заявил, что на разработку и испытания отечественных аппаратов было потрачено пять миллиардов рублей. Все усилия в конечном итоге не принесли никаких результатов, поэтому было принято решение закупить БПЛА у Израиля.

Генеральный директор государственной корпорации «Ростехнологии» Сергей Чемезов, комментируя заявления о несостоятельности российских образцов вооружения, отметил, что в этой сфере не так все плохо, как говорят руководители Минобороны РФ.

Компания «Беспилотные системы» (входит в концерн радиостроения «Вега») готовится испытать новый БПЛА массой 200 кг, способный непрерывно находиться в воздухе до десяти часов. Он предназначен для ведения наблюдения и разведки. Максимальный радиус связи с беспилотником через ретранслятор или спутник составит около 100 километров.

В настоящее время проект находится на стадии сборки первого экземпляра БПЛА: в этом году начнется и завершится цикл летних летных испытаний, а в 2011-м пройдет зимние испытания.

Новая разработка будет предложена потенциальному заказчику — Министерству обороны РФ.

АНАЛИЗ

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

«Военно-промышленный курьер» завершает публикацию выступлений по первому вопросу дискуссии, состоявшейся на XVIII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике и посвященной обсуждению дальнейших перспектив развития нашей страны.

Читайте материалы на стр. 04-05

PHOTOXPRESS

ФЛОТ ЖДЕТ НОВОГО КОМАНДУЮЩЕГО

Нынешний командующий ЧФ вице-адмирал Александр Клецков будет отправлен в запас в связи с достижением предельного возраста нахождения на военной службе

Назначение нового командующего ожидается в августе текущего года.

Александр Клецков, которому в августе исполнится 55 лет, был назначен на должность командующего Черноморским флотом РФ в 2007 году (до этого он возглавлял штаб Балтийского флота). Предполагается, что теперь этот пост может занять вице-адмирал Сергей Меняйло. С июля 2009 года и по настоящее время он

является заместителем командующего ЧФ. Ранее был командиром Новороссийской военной базы.

Сергей Меняйло руководил военно-морской десантной кампанией в абхазских территориальных водах во время войны в Южной Осетии. В частности, возглавлял группу боевых кораблей, которая доставила миротворческий контингент в район боевых действий.

Не исключено также, что командование ЧФ будет доверено начальнику штаба Северного флота вице-адмиралу Владимиру Королеву. 14 апреля текущего года в ходе встречи министров обороны СНГ в Москве его представили в качестве будущего коллеги командующего украинскими ВМС вице-адмиралу Виктору Максиму.

Владимир Королев в свое время был старшим помощ-

ником, командиром атомной подлодки Северного флота. Занимал должности заместителя командира, начальника службы противолодочной борьбы, командира дивизии подводных лодок СФ. С 2002 по 2007 год командовал эскадрой подводных лодок. В ноябре 2007-го назначен заместителем командующего Северным флотом. С августа 2009 года — начальник штаба Северного флота.

АКТУАЛЬНО

ЗАКУПКИ ВООРУЖЕНИЙ УВЕЛИЧАТСЯ

Доля расходов на национальную оборону в бюджете страны возрастет с 2,6% в 2010 году до 3,2% ВВП после 2013-го.

По словам заместителя министра финансов РФ Антона Силуанова, объем ассигнований на оборонные нужды существенно увеличится, что позволит закупить гораздо больше вооружений и военной техники. Государство продолжит в 2010 году реализацию антикризисных мер по поддержке ОПК. В частности, на субсидирование процентных ставок по кредитам для предприятий «оборонки» в 2010-м выделено четыре миллиарда рублей. В то же время главной мерой поддержки со стороны государства предприятий ОПК является обеспечение спроса на их продукцию.

Интересно, что финансовый кризис и экономический спад не уменьшили военные расходы в мире. За 2009 год они составили в общей сложности около 1 триллиона 531 миллиарда долларов, что на 5,9% больше по сравнению с 2008-м и на 49% — с 2000-м. Заметнее всего в 2009 году выросли военные расходы в странах Азии и Океании (рост — 8,9%).

Как заметил руководитель программы СИПРИ по военным расходам Сэм Перло-Фриман, многие государства увеличили в 2009 году государственные траты, что стало одним из способов повышения спроса в целях борьбы с экономическим спадом.

Больше всех денег на финансирование обороны выделяют США (661 миллиард долларов), на долю которых в 2009 году пришлось 54% роста мировых военных расходов. За Америкой следуют Китай (около 100 миллиардов долларов), далее Франция (63,9 миллиарда долларов), Великобритания (58 миллиардов долларов), а замыкает эту пятерку Россия (53 миллиарда долларов).

Между тем врио начальника вооружения ВС РФ генерал-лейтенант Олег Фролов заявил, что завершается формирование новой госпрограммы вооружений, которая в конце июня будет представлена в военно-промышленную комиссию.

По новой госпрограмме на 2011–2020 годы предполагается потратить 13 триллионов рублей. В первую очередь данные средства пойдут на развитие стратегических ядерных сил, противовоздушной обороны и авиации. Однако, по мнению Фролова, этих денег не хватит для обновления техники и оружия в Сухопутных войсках. Он считает, что финансирование должно составить 36 триллионов рублей, а при лимите в 28 триллионов деньги смогут получить все рода войск, кроме ВМФ и космической группировки.

Ранее сообщалось, что новая госпрограмма вооружений должна обеспечить полную модернизацию российских Вооруженных Сил. При этом планируется к 2015 году довести в них долю современных образцов вооружения и военной техники до 30%, а к 2020-му — не менее 70%.

Тем временем проведенная Счетной палатой РФ оценка выполнения государственного оборонного заказа показала, что гособоронзаказ (ГОЗ) на 2009 год Минобороны России по количеству заданий (номенклатуре НИОКР) был выполнен на 41,9%, а по объему работ — на 64,9%.

Наиболее низкими показателями характеризовалось выполнение ГОЗ по фундаментальным, прогнозным и поисковым исследованиям в интересах обороны и безопасности страны. Соответствующие показатели составили только 14,3 и 48,3%.

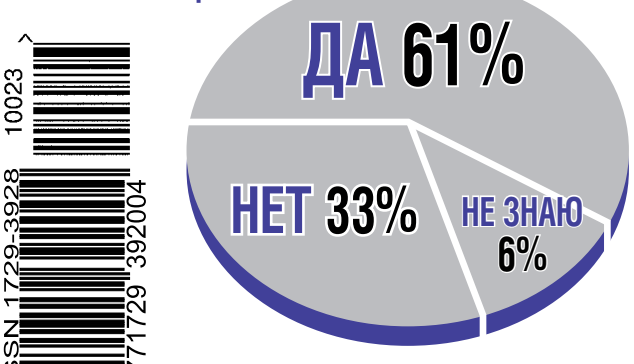
Установлены многочисленные случаи авансирования Минобороны России головных исполнителей в размерах, значительно превышающих установленные пределы (вплоть до 100% от годового объема финансирования). При этом не были сокращены сроки выполнения работ, снижена контрактная стоимость.

Выявлены факты, когда законченные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы не реализуются. В частности, до сих пор не исполнены результаты НИР по анализу возможностей информационных технологий и созданию электронной эксплуатационной документации на их основе, а также НИР по исследованию обособления перспективных направлений развития технологий и средств военной робототехники и моделированию боевых действий с участием роботизированных комплексов.

А ведь указанные работы были завершены в 2007 и 2008 годах. Только по этим направлениям затраты федерального бюджета без достижения требуемого результата составили 21,7 миллиона рублей.

Результаты опроса посетителей сайта www.vpk-news.ru

Приведут ли последние события
в Восточном Средиземноморье
к переориентации Турции в сторону
исламского мира?

Михаил ХОЛДЯРЕНКО

АНАЛИЗ

У НАШЕЙ РОДИНЫ БУДЕТ ТАКОЕ БУДУЩЕЕ,
КАКОЕ ПРОШЛОЕ ОНА СЕБЕ ИЗБЕРЕТ

ВЫБИРАЕМ СЦЕНАРИЙ ЖИЗНИ

Юрий ПИВОВАРОВ,
*директор Института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН*

Во-первых, я предпочитаю не использовать термин «модернизация». Мне кажется, что он обладает совершенно определенными коннотациями. Концепция модернизации, с моей точки зрения, западоцентрична и ни где, кроме Запада, не была подтверждена опытом социального развития.

На мой взгляд, концепция модернизации у нас провалилась так же, как и родственный ей марксизм. Недаром о модернизации было сказано, что это марксизм без классовой борьбы.

Вместе с тем я готов принять термин «модернизация» как некую метафору, как метафору какого-то, условно говоря, лучшего развития, как некое позитивное развитие общества, экономики и прочего. При этом мне кажется очень странным, что призыв к модернизации, который прозвучал из уст первой персоны нашего государства, был так горячо воспринят обществом. Потому что сколько живу, постоянно слышу, как каждый новый руководитель, приходящий к власти, нас к чему-то призывает. У меня такое ощущение, что призыв к модернизации – это опять призыв к чему-то такому, к чему уже много раз призывали, но что на моей памяти никогда не исполнялось.

Итак, что я могу сказать как историк о возможностях модернизации. Давайте рассмотрим с точки зрения данного вопроса русское прошлое, близкое и далекое. Согласен с Солженицыным, что Россия проиграла XX столетие. Проиграла при всех грандиозных успехах. Причем хочу обратить внимание на очень опасный для будущего, в том числе для тех, кто хочет осуществить модернизацию в России, исторический факт. В нашей стране на протяжении XX столетия дважды неожиданно разваливался режим. Дважды! Трудно найти еще какую-нибудь страну в XX веке, где институты власти рухнули бы столь быстро, неожиданно, без видимых совершенно оснований.

Второе. В России в XX столетии произошла антропологическая катастрофа. Как в качественном, так и в количественном отношении был нанесен страшный удар по населению страны. И впервые с XVII века сокращается ее территория. Причем интересно, что Россия в XX столетии как бы репетировала то, что произойдет в 1991 году. И в 1918-м, и в 1941-м мы потеряли (правда, потом вернули) примерно те же регионы, примерно с тем же числом людей. И дело здесь не только в потере населения, не только в утрате территорий. Дело в том, что с начала XVI века или с конца XV, со времен Ивана III, начала Московского царства, то есть начала современной России, все институты власти и институты экономики строились на постоянном расширении территории и на постоянном увеличении населения. Население увеличивалось не очень быстро, но за год на протяжении двух-трех столетий территория России прирастала на одну Голландию. Это историки подсчитали. Таким образом, совершенно неясно, как поведут себя русские институты, прежде всего институты власти, в условиях обратного движения – сокращения территории и сокращения населения.

НАДЕЖДА ТОЛЬКО НА МОЛОДЫХ И ОБРАЗОВАННЫХ

СТАРШЕМУ ПОКОЛЕНИЮ НЕОБХОДИМО ПЕРЕДАТЬ ИМ НАВЫКИ И ИДЕИ СЛУЖЕНИЯ ОТЧИЗНЕ

Конечно, мы зависим от своего прошлого, прежде всего через свое сознание, но задача модернизации сейчас решается в совершенно иных условиях. Мир XXI века другой. Это мир глобализации, ограниченности ресурсов и неограниченности информации. И 20–25% населения России, которые готовы жить в современном демократическом мире, – это и есть наш человеческий капитал. К ним надо еще прибавить несколько «наших миллионов» среднего класса за границей и фактор открытых границ.

Леонид ГРИГОРЬЕВ,
*ведущий научный сотрудник
ИМЭМО РАН,
декан факультета
менеджмента
Международного университета*

По сравнению с закрытым обществом или ограниченными условиями коммуникаций и миграции в прошлом сегодня совершенно другие условия модернизации. И она идет не просто как процесс очередной попытки догнать кого-то под руководством правительства. Вопрос модернизации ныне – это борьба с деградацией страны, но на условиях субъектов модернизации – людей. Мы имеем демографические, инфраструктурные проблемы, и мы двадцать лет никого не догоняем.

За время подъема 2000–2008 годов наша страна сделала шаг скорее назад, став ближе к нефтедобывающим странам Азии и Латинской Америки, чем к Европе или США. Но мы же говорим об амбициях элиты – в какого типа государстве она хочет быть элитой. И в этом плане

вряд ли нам поможет опыт Кореи и Бразилии, потому что это страны со своим языком, с бедным (на старте модернизации), малообразованным населением. В какой-то момент они сконцентрировались и сделали прорыв на наших глазах, достигнув определенного внутреннего консенсуса (иногда с внешней помощью). Мы не находимся в этом состоянии – нам приходится делать шаг вперед в условиях, когда и ресурсы на пределе, и консенсус пока не выработан. Точнее, ресурсы еще есть, но используются они неэффективно. Главное – мы не реинвестируем доходы от наших ресурсов. Мы все время завышаем, что эти ресурсы ничего на самом деле особенно не производят в стране. Мы содержим на нефтяную ренту государственный аппарат и осуществляем некоторое количество проектов, в том числе амбициозных. Но за последние 10 лет мы не реинвестировали основную массу сбережений. У нас норма накопления 17–20%, во всем мире, во всем нашем окружении – 25% ВВП и больше (в мире обычно 22–24%). Я уж не говорю про Китай с его 35–40% ВВП.

Россия затрачивает 4–5% капиталовложений от ВВП только на воспро-

изводство энергетического комплекса, но мы не в состоянии реинвестировать большую часть доходов. За вычетом энергетик на все цели модернизации, компенсации инвестиционной ямы 90-х годов, жилья и инфраструктуры у нас остается 13–16% ВВП, что мало для серьезных качественных сдвигов. Ибо за 2000-е годы не сконструирован механизм инвестирования. Вот почему проблема модернизации – это не проблема создания своеобразной модели. Мы в этой стране нынешней и в ситуации, когда мир глобализировался, ближе к европейским стандартам. И наша образованная «половина» населения живет за рубежом, и сами мы там живем, и фирмы наши там живут. Мы в этой ситуации не можем ничего изобрести такого, что выжило бы в этом мире вне общеевропейской цивилизации. Нам либо придется модернизироваться как европейцам, либо мы ничего просто не сделаем. И эту задачу нужно осознавать именно как европейскую задачу.

Конечно, мы можем иметь специфические интересы и возможности в Азии, но придется остаться европейцами и доказывать представителям стран Азии,

что мы не европейцы, насколько это нам будет удаваться на тех или иных переговорах. На 90% наш человеческий капитал живет в европейской части России. Правда, наши ресурсы (особенно нефть и газ) на 90% происходят из Азии. Но придется осознавать себя европейцами, которые с уважением и лояльно относятся к Азии, а не прикидываться азиатами (все равно там нас так не воспринимают) или каким-то невиданным гибридом. Невиданный гибрид у нас – только смесь европейской и азиатской коррупции.

Есть внутреннее разнообразие российской культуры и своеобразности, им можно наслаждаться, его надо беречь. Я всю жизнь люблю старую мысль, что живу в Третьем Риме, что четвертому не быть. И с большим трудом расстаюсь с этой мыслью. Но «продать» это, как говорится, в хорошем смысле за рубежом некому. Это никого не интересует. Все, что мы можем продать, мы должны продать тем, кто не живет в этой системе ценностей. Мы должны строить обычные отели, производить обычные автомобили, обычные самолеты, оказывать обычные услуги. Очень ограниченное число людей в

мире ценит российское своеобразие. Есть люди, интересующиеся нашей культурой, их там какой-то процент. Нам для начала надо сделать дома нормальную жизнь для того, чтобы те 2–3 миллиона, которые живут за рубежом, могли сюда возвращаться или с нами коммуницировать на одном языке как часть нашей культуры. Возвращаются единицы, кстати, самые сильные, которые могут позволить себе рискнуть.

За 90-е годы какое-то число моих студентов эмигрировали, но они сначала были за границей какими-то несчастными людьми, сегодня же преподают по всем университетам мира и прекрасно себя чувствуют. И я сейчас пытаюсь удержать в стране поколение, которому ныне 22–27 лет, и основная проблема не в том, что они все замечательные европейцы, гораздо умнее и образованнее нас. Вопрос в другом – вне модернизации у них нет шанса ни на какие проекты, на самореализацию по большому счету. Проблема в том, что невозможно найти проект, в котором они были бы руководителями!

Надо признать, что наше поколение – я имею в виду людей за 60 – давайте

Как мне представляется, тип исторического сознания, который господствует в нашем обществе, тоже весьма связан с тем, возможна у нас модернизация или нет. Уверен: у России будет такое будущее, какое прошлое она себе изберет. Как мы прочтем свое прошлое, так и образуем свое будущее. Полагаю, что модернизация невозможна, если мы сделаем ложный выбор. Это, конечно, общие слова и тем не менее.

Однако почему власть так усиленно внимает истории? Зачем такое занятие историей, совершенно неожиданное для меня, для историка, такое внимание к моей науке? Мне представляется, что подспудно в нашем обществе есть ощущение, что будущее весьма туманно, неизвестно. Думаю, отсюда и проистекает желание овладеть прошлым. Мы сокращаемся в пространстве и населении, но не развиваемся во времени, поэтому стараемся завоевать прошлое. Такая ретроспектива – империя назад, больше некуда. Властная вертикаль назад. Это представляется мне психологически важным для того, чтобы понять, сможем мы пойти по модернизационному пути или нет. Причем отношение к прошлому, разумеется, – это вещь очень тонкая. Меня совершенно поразили в свое время слова поэта Юрия Кублановского, который обратился к своему другу Иосифу Бродскому:

*Друг, я строю тебя самое главное:
Ежели претнее все – несправное,
Что же нас ждет впереди?..*

Действительно, мы не можем прочесть прошлое только как девиантное. Мы не можем прочесть прошлое как некое отклоняющееся развитие. И в этом смысле мы должны отказаться от нормативизма в истории, то есть норма – это Запад или норма – это Восток; норма – это будущее – коммунизм или норма – это прошлое – святая Русь. Мы должны отказаться от слепой веры в прогресс, в наличие исторических законов. Я думаю, что в истории нет таких законов, какие есть в естественном природном мире. История совершенно открыта. И единственное отношение к истории может быть лишь персоналистским и антропоцентричным.

Теперь несколько слов о внешней политике. Мне кажется, что сегодняшняя Россия слишком слаба, чтобы выдвинуться на роль главных игроков XXI столетия, и эта тенденция усиливается. Россия слишком слаба для того, чтобы привлекать к себе еще какие-то страны. Но, с другой стороны, она все еще слишком сильна, чтобы войти в какую-то коалицию, компанию, союз стран. Мы туда никак не помещаемся. Такая межэтническая ситуация будет порождать два типа идеологии. С одной стороны – ностальгирующая, а с другой – утраченную от своей слабости. Но это опять принципиально новая позиция в русской внешней политике. Никогда еще Россия не была такой по-настоящему одинокой. Даже тогда, когда Александр III говорил, что у России только два союзника – ее армия и флот. Это тоже совершенно новое качество.

Должен сказать, что традиционно в русской исторической науке огромное внимание уделяется тому, насколько Россия зависит от внешней политики. Практически все отечественные историки указывали на то, что русская внутренняя политика, русская экономика, вообще внутренний быт России грандиознейшим образом зависят от внешней политики, в том числе и от обороноспособности. И недаром очень часто современные историки цитируют Хаусхофера, который сказал, что обеспеченность защитой играет решающую роль в истории России. И современные русские историки подчеркивают, что мы граничим не с другими странами, а с другими культурами и цивилизациями. Это тоже такой вызов, на который Россия каким-то образом должна ответить.

Что еще очень важно – такое влияние внешней политики на русскую историю зафиксировано и в ее социальном строе. Московское царство, крепостническое, самодержавное, родилось в пору освобождения России от монгольского ига. На мой взгляд, наш тип власти, в том числе и тип трансляции власти – власти как насилия, а не как договора, как на Западе, – Россия взяла из Золотой Орды. Здесь, по-моему, евразийцы правы.

В заключение хочу отметить: главный ответ на вопрос, будет модернизация в России или нет, заключается в том, есть ли субъект модернизации. Считаю, что он на самом деле есть. У нас более 20 процентов населения, абсолютно по всем опросам, готовы жить в демократической, правовой, мобильной, открытой, плюралистической стране. Такого в русской истории еще ни разу не было. Уверен, что это наш грандиозный шанс, который мы не имеем права упустить.

Михаил ХОЛДЯРЕНКО

говорить честно, становится скучным и жадным до ренты и покоя, мешает молодежи стать руководителями проектов. Мы сами этого не осознаем. Посмотрите, что делается в целом ряде исследовательских учреждений. Молодняк не имеет возможности самостоятельного руководства и действия. Мы даже этого не можем обеспечить внутри. Везде маленькая вертикаль, быстро заканчивающаяся. Наше поколение должно не просто стремиться к передаче ценностей, но и показать способность передать командные функции через поколение – тем, кому нет 30 лет, чтобы они вели в скором времени страну.

Те 20% людей в России, которые согласны и хотят жить по-европейски, – это, конечно, высокообразованная часть ее населения. И в этом уникальность нашей страны. И этим мы отличаемся от тех же корейцев, бразильцев. Никто уже не сможет заставить этих людей жить вне привычного.

Вместе с тем наша элита, к сожалению, расколота не только по каким-то там воззрениям – Запад – Восток, она неспособна договориться о главном. Вопрос в том, способна ли финансовая и политическая элита сосредоточиться не на своих краткосрочных интересах, а на интересах нации. Она не закончила процесс выживания в новых условиях. А элита может быть эффективна в модернизации только при условии, что она прекратила разборки – политические, финансовые – внутри себя и консолидировалась на решении проблем страны. Если будет идти борьба за выживание тех или иных элементов элиты, она будет держать все средства в офшорах. 17% нормы накопления в ВВП – поразительный показатель. Он и есть измерение готовности элит вкладывать в Россию, в модернизацию.

Думаю, наша основная надежда – образованное население. При этом уходит на пенсию поколение – первое большое послевоенное, умное, образованное, последнее, руководившее какими-то проектами в Советском Союзе. Разрыв до следующего поколения, которое находится здесь сейчас в России и способно что-то делать, – от 35 до 40 лет. Наш последний шанс – передать ему навыки и идеи служения Отчизне. Это должно быть разумное сочетание гедонизма и чувства ответственности за состояние страны плетс передачи поколению, которому сейчас нет 30 лет, функций управления проектами. Это еще один критический аспект модернизации в течение следующего десятилетия.

Марк ЭНТИН,
*доктор юридических наук,
профессор,
директор Европейского
учебного института
при МГИМО (У) МИДа РФ*

УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

В последние годы хаять правовые регуляторы и прежде всего международное право, обвинять их во всех смертных грехах стало модным. Демонстрировать пренебрежение к ним сделалось почти хорошим тоном.

Да, оснований для критики внутригосударственное, наднациональное и международное право вроде бы дает более чем достаточно. И на Балканах, и на Ближнем Востоке силовые военные акции предпринимались в обход Организации Объединенных Наций. То тут, то там уважаемые всеми государства, существовавшие в международно признанных границах, развивали с полным пренебрежением к основополагающим, высшим принципам и нормам международного права, таким, как неприменение силы, независимость, территориальная целостность. Да куда там отдельные государства – всю мировую экономику и международную торговлю в результате волюнтаристских действий и неукротимого стремления к наживе поставили на грань коллапса.

Факты страшные. Факты сильные и убедительные. Более того – бесспорные. От них не отмахнешься. Только интерпретацию им дали абсолютно неверную. Ошибочную. Недостоверную. Ужолобую. С позиций вьезшего в печенки и до нестерпимой боли набившего оскомину правового нигилизма. И понятно почему. Мол, действующее право плохое. Критически плохое. На него нельзя положиться. А раз так, в практической политике на него можно просто наплевать.

Нет, уважаемые господа. Не наплевать. Проблема отнюдь не в том, что право плохое: если бы это было так, то ни национальных социумов, ни транснационального бизнеса, ни нормального международного общения давно бы уже не было, а в том, что его, как выясняется, слишком мало. Его недостаточно.

Давайте разбираться. Возьмем и приведем, и некоторые другие примеры. Скажем, экономическая катастрофа, постигшая нашу страну после исчезновения Советского Союза, социалистического права и социалистической государственности (или псевдосоциалистической, как утверждают некоторые). Вследствие чего она случилась? Не в последнюю очередь в результате попыток строить рыночную экономику в отсутствие обслуживающих ее правовых установлений, правовой культуры и правового инструментария.

Пример с обходом ООН не менее показательный. Он стал возможен только из-за ослабления всемирной организации безопасности, из-за намеренного подрыва ее действенности, возведения в абсолют односторонних акций, попыток подменить ООН альтернативными международными структурами. Ответ с учетом этого может быть только один – всемерное укрепление Организации Объединенных Наций и в первую очередь ее Совета Безопасности, возвращение им авторитета и влияния, которые у них частично отняли (будем надеяться только временно), в укоренении в международных отношениях и поведении государств новых практик и процедур, базирующихся на Уставе ООН и органично развивающих содержащийся в нем свод правил.

Наконец, по поводу глобального кризиса. К нему привели бездумная, безбрежная либерализация правового регулирования, вывод целых областей финансовой деятельности из-под государственного и международного контроля. Отсюда и все призывы G-20 к наведению порядка в финансовой сфере, ужесточению правового регулирования, введению самого пристального контроля, более тесному международному сотрудничеству и лучшей координации.

Значит, речь может идти только об одном. Отнюдь не об охаивании права и внятного государственного присутствия в экономике, а об укреплении регулятивной системы, заботе относительно роста ее авторитета, влияния и эффективности.

ЕДИНАЯ МИРОВАЯ СИСТЕМА

Однако прививать уважение к слабому праву, изобилующему прорехами и противоречиями, неспособному справиться со

ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОБРАЖЕНИЯ СТРАНЫ

Эпоха изменений всегда заставляет переосмысливать традиционные представления. В том числе даже такие, казалось бы, устоявшиеся, как роль государства, права, международных регуляторов и межгосударственных институтов в жизни общества.

своеволием, привилегиями и волюнтаризмом, зато отыгрывающемуся на законопослушных гражданах и государствах, было бы и бесперспективно, и опротивело. С учетом этого, по всей видимости, вопрос должен ставиться несколько иначе – о перестройке внутригосударственного, наднационального и международного права в единую регулятивную систему, отвечающую велению времени.

Почему в единую систему? Потому что между разными системами права давно уже нет никакой китайской стены. Она разорвана или рассыпалась. Современные информационные технологии носят всепроникающий характер. Скорость и интенсивность общения и взаимодействия с иностранным элементом неизмеримо возросли. Современное государство, граждане и бизнес шагу ступить не могут на национальной территории без поддержки и опоры на наднациональные и международные установления. По все более широкому кругу вопросов внутригосударственное право лишь повторяет или подтверждает наднациональное и международное регулирование и общепринятые практики.

Иного и не дано. Иначе национальное государство подрывает свою состоятельность и конкурентоспособность и вынуждено будет уйти с международного рынка товаров, услуг и капиталов. И масштабы его усмотрения также неуклонно сужаются, заставляя подстраиваться под международный или наднациональный стандарт.

Чтобы в этом убедиться, совсем не обязательно обращать взоры к Европейскому союзу и его государствам-членам. Их отличие лишь в том, что там эти процессы носят более управляемый характер. В остальном тот же общий тренд. Порядок авиаперевозок, морского фрахта, автомобильного сообщения, внешней торговли, финансовой отчетности, таможенного контроля – да почти всего, что угодно, определяет международное регулирование.

В Российской Федерации, каждодневно сталкивающейся с проблемой исполнения постановлений Европейского суда по правам человека, убеждать в этом кого-либо было бы излишней тратой времени и сил. Ведь все последнее законодательство по дальнейшей реформе судебной системы, включая создание полновесных апелляционных инстанций, ограничение произвола надзорных органов, появление новых эффективных средств правовой защиты, в значительной степени инициировано Страсбургом.

Другой не менее очевидный пример – приведение внутреннего законодательства в соответствие с требованиями Всемирной торговой организации. Это потребовало принятия порядка трех сотен различных законодательных актов, не говоря уже об их конкретизации правительственными постановлениями и ведомственными инструкциями.

Но влияние международного и наднационального права на внутригосударственное – это только одна сторона медали. Вторая заключается в том, что международное и наднациональное право по большей части является проекцией вовне внутреннего правового стандарта и национальных интересов наиболее передовых и влиятельных

держав. Вспомним, что обобщал в своих великих трудах Уго Гроций, откуда взялась свобода мореплавания и т. д. Да из потребностей тех, кто доминировал тогда в мире. Они явились классическим оформлением интересов владычицы морей Великобритании и Нидерландов.

А кто затем стал методично взламывать установленную старыми империями колониальную систему? Конечно же, Соединенные Штаты Америки, которым для проникновения на новые рынки нужна была свобода рук, иными словами, свобода доступа в колонии, в которых хозяйничали метрополии, и либерализация международной торговли.

А Европейский союз? Что записано в его учредительных договорах? Важнейшим источником наднационального права, в частности в области соблюдения прав человека, являются конституционные традиции государств-членов, читай – наиболее влиятельных из них.

Постановка вопроса о единой мировой регулятивной системе, в рамках которой между внутригосударственным, наднациональным и международным правом установлены отношения симбиотического типа, коренным образом меняет наши представления относительно того, что нужно делать для решения задач, стоящих перед современными государствами, и в том числе Российской Федерацией. Необходимо развивать и совершенствовать не только свое собственное право, обеспечивать его гармонизацию со всеми другими системами права – это само собой. Важно точно так же перестраивать, перестраивать под себя, под свои нужды, с учетом, естественно, интересов всех остальных игроков, всю единую мировую регулятивную систему: финансовое регулирование, правила субсидирования, защиту интеллектуальной собственности – все. Иначе усилия по модернизации будут недостаточными. Или придется по-прежнему плясать под чужую лудку, а не под гармоничный оркестр инструментов со своим национальным просвещенным участием.

Такая постановка вопроса заставляет иначе взглянуть и на красочные представления о государственном суверенитете. В том виде, в каком его описывает классическое международное право, государственного суверенитета уже давно нет. Он умер под ударами нескольких волн технологической революции и глобализации. О каком классическом суверенитете можно говорить, если даже единая европейская валюта – евро, опирающийся на совокупную мощь крупнейшего в мире на настоящий момент хозяйственного комплекса, шатается и сдает позиции, терзаемый нена сытной армией международных спекулянтов.

Суть современного подхода к государственному суверенитету заключается в частичной его уступке взамен на возможность участия в совместном управлении всеми суверенитетами всех остальных участников международного общения. Понятно, насколько больше страна получает, отдавая. Но только при условии, что все играют по совместно установленным правилам, в обсуждении которых у вас есть весомое слово.

За Российской Федерацией такое слово всеми признается. Оно есть у нашей стра-

Михаил ХОДЯКОВ

**ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ СВОЕЙ ФУНКЦИИ
ОНО ДОЛЖНО РАЗРАБАТЫВАТЬСЯ
ПРОФЕССИОНАЛАМИ
И СТОЯТЬ НАД ВЛАСТЬЮ**

ны институционально. Как члена Совета Безопасности ООН. Члена ядерного клуба. Как глобальной державы. Но оно тем весомее, чем активнее, чем чаще мы берем на себя роль лидера в утверждении национальных и международных стандартов, чем упорнее работаем в сфере нормотворчества. И в дальнейшем только на активность и растущий вклад в совместное наднациональное и международное регулирование имеет смысл делать ставку. Это оптимально для движения по пути модернизации.

ГЛАВНОЕ – РЕЗУЛЬТАТ

Следующий блок вопросов, на которые нужно ответить, касается того, какую регулятивную систему следует строить, кагим основным параметрам она должна соответствовать. Чтобы разобраться в этом, надо понять, какие меняющиеся задачи решает современное право, в каком направлении идет его эволюция.

Похоже, что оно давно и решительно переросло те узкие рамки, в которые его загоняет классическая теория. Всех тех, у кого имется юридическое образование, учили когда-то (и до сих пор такое мнение главенствует в учебниках), что смысл права заключается в регулировании общественных отношений, или соблюдении общественного договора, или защите и продвижении некоторых интересов. Да, конечно, все это так. Соответствующие функции право добросовестно отправляет и доброспорядочно старается с ними справиться. Но, и это главное, указанными функциями его роль в современном мире далеко не исчерпывается.

Право во все большей степени превращается в инструмент достижения определенного результата. И эта функция в условиях глобализации, обострения международной конкуренции и постоянных изменений становится для него все более весомой. Оно трансформируется в право результата. Оно наделяется адекватными возможностями. Ему придают соответствующие качества. Его эффективность оценивается под углом зрения способности к получению искомого результата.

То, что нужно сделать для того, чтобы его добиться, – ваша проблема, уважаемое государство или политическая элита. Или, иначе говоря, это то, что полностью оставлено на ваше усмотрение. Хотите – изобретайте сами. Хотите – заимствуйте чужой опыт, адаптируя его к местным условиям. Нет возможности – следуйте в чужом фарватере. Есть – пробуйте, дерзайте, экспериментируйте. Главное и единственное, что от вас требуется, – это результат.

Буквально несколько иллюстраций. В стране должна быть избирательная и партийная системы, отвечающие современным представлениям о свободе выбора, ротации власти и демократии. Все. Вот он результат. Что нужно для его обеспечения, никого не касается. Будет в ней две-три сильные партии или десяток мелких и коалиционное правительство, никто посторонний в это влезать не может и не должен. Будет отдано предпочтение мажоритарной, смешанной или, скажем, пропорциональной избирательной системе, опять-таки полностью зависит только и исключительно от вас.

Аналогично с судебной системой. Никого не интересует, двухуровневая судебная система в стране или трехуровневая (и четырехуровневая никого не смущает). Назначают судей или выбирают. Сколько лет они учатся. Какие квалификационные экзамены сдают. Нужно ли им владеть иностранными языками. И прочее. И прочее. И прочее. Нужно только следующее: чтобы судьи были независимы, выносили законные и справедливые решения и в установленный срок. Все. Есть у вас такая судебная система – вы уважаемый член международного сообщества, ваше развитие опирается на прочную институциональную базу. Нет такой судебной системы – не пойдут к вам ни по-настоящему уважаемые предприниматели, ни венчурный капитал, ни бизнесмены, готовые вкладывать деньги во что-то действительно стратегическое, помимо добычи сырья и сбыта готовой продукции, ни хай-тек.

Вот вам и рецепт модернизации под углом зрения регулятивной системы и права результата.

УСТАНОВКА НА РАЗВИТИЕ

Так в чем модернизация должна заключаться? Ответ до удивления прост: в создании максимально благоприятной среды для нормального, поступательного, гармоничного социально-экономического развития.

Прежде всего в обществе должна быть сформулирована установка на развитие. На то, чтобы все верили в будущее страны и работали на него. На то, чтобы бизнес вкладывал деньги в ее обустройство, не считаясь с тем, что вложения принесут желаемую отдачу лишь по прошествии относительно долгого переходного периода. На то, чтобы привычка по-быстрому ханпнуть и убежать уходила в прошлое. На то, чтобы никому не нужно было держать запасные аэродромы за рубежом. На то, чтобы люди хотели и стремились жить в своей стране, а не получать образование и работу за рубежом и там же по возможности осесть.

И в этом плане традиционалистское у вас общество или нет особой роли не играет. Ведь ничего только со знаком плюс или минус не бывает. С помощью права какие-то элементы традиционной культуры всегда можно приспособить или встроить в установку на прогресс. На какие-то можно даже опираться. Примеры Японии, потом Южной Кореи, а сейчас Китая на это прямо указывают.

И относительная технологическая отсталость препятствием для модернизации не является. Хотя, конечно, проще, когда стартовые позиции уже достаточно хорошие. Ведь при правильно построенной стратегии, формализованной в праве, вы всегда оказываетесь в более выигрышном положении по сравнению с теми, у кого уже что-то есть. Поэтому что вы можете брать и создавать новое, более востребованное, более конкурентоспособное, на более передовой технологической базе. Идет ли речь об удовлетворении базовых потребностей, импортозамещении или поощрении экспортно ориентированных отраслей производства и сферы услуг.

Помехой являются монополизм, приватизация власти, бюрократизация экономики, низкие стимулы, отсутствие социальных лифтов и многое-многое другое, что всем давно известно и ни для кого секретом не является. Но со всеми этими путями, в которых оказалось современное российское общество, право, когда им умело пользуются, и призвано бороться. И оно будет эффективно этим заниматься, если только есть политическая воля и согласие общества. А они, похоже, начинают появляться.

Важно, однако, при этом, чтобы и в отношении власти, в отношении законодателя и правоприменителя право исполняло свою модернизаторскую функцию. Для этого оно должно стоять над властью, обладать стабильностью и предсказуемостью, разрабатываться профессионалами и предусматривать весомую материальную ответственность для тех, кто это право попирает, пользуясь доверием им законодательными и правоприменительными полномочиями.

Геннадий КАЩИН

ИЛИ КАК ОБЕСПЕЧИТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬСКУЮ ДИСЦИПЛИНУ

Остановилось на одной, на мой взгляд, очень важной проблеме – диалектике модернизации и демократии. Китайцы, например, начали осуществлять модернизацию при жесточайшем политическом и полицейском контроле с последующим медленным, частичным освобождением ряда экономических механизмов.

Владимир ВОРОЖЦОВ,
*начальник управления по взаимодействию
с органами государственной власти
ОАО «Газпромрегионгаз»;
председатель совета директоров ОАО «АЛТАЙГАЗПРОМ»*

Соответственно по аналогии возникает вопрос относительно российской модернизации. Выявляется одна очень странная сущность: модернизация и демократия в ряде условий – это вещи, которые, мягко говоря, не просто диалектически, а иногда и антагонистически противоречивы. Во-первых, традиционно у нас модернизация всегда связывалась с кризисом, когда уже наступала последняя его стадия, с возникновением либо внешней, либо внутренней неотвратимой не-

НЕОБХОДИМА МИНИМИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

ходимости. И, во-вторых, ее действительно организовывали элиты, для них она представляла способ выживания. Почему я отмечаю этот момент. Ведь мы, говоря о потенциале модернизаторов, согласимся, что исполнительская дисциплина – необходимое условие модернизации. У нас же, как сообщил недавно Константин Чуйченко, начальник Контрольного управления президента, 60% поручений главы государства не исполнены.

Дальше. Уровень компетенции. Значит, ответственности. Завышенные ожидания наблюдаются у многих сотрудников, они приходят после вуза и требуют привилегий при отсутствии результатов труда – с этим мы сталкиваемся постоянно. Нередко выпускник вуза просит себе зарплату 2000 долларов и выше, а как профессионал он не тянет даже на элементарного специалиста 2-й категории.

О коррупции вообще разговор отдельный. Все эти компоненты фактически парализуют многие модернизационные процессы. А преодолеть их реально можно только очень жесткими и очень организованными ме-

рами подавления и коррекции противодействия. С этим мы постоянно сталкиваемся даже по простейшим проектам, когда субто демократические методы зачастую парализуют работу. Есть огромное количество проблем, которые технически преодолеть возможно только при определенных механизмах минимизации демократического волеизъявления.

Поэтому выскажу мысль: если мы говорим о связи демократии и модернизации, то, как ни грустно, реальные модернизационные эффективные процессы неминуемо будут приводить к экономической, полицейской, политической минимизации ряда демократических процессов в наших условиях. Это первый тезис.

Во-вторых, по поводу конкуренции. В российских условиях конкуренция зачастую проявляется в весьма специфических формах. И логичнее вообще провести модернизацию в нашей стране по жюнокорейскому варианту, когда в каждой сфере функционирует крупнейшая монополия уровня международной корпорации и конкуренция уже возникает не внутрироссийская, а международная.